Андрей Алленов, Константин Кунавин

«Желаем жить не по плоти, а по духу»: демографическое поведение постников

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-178-206

Andrey Allenov, Konstantin Kunavin

"Living by Spirit, not by Flesh": Demographic Behavior of the Postniks

Andrey Allenov — Tambov State University named after G.R. Derzhavin; philosophy.tsu@mail.ru

Konstantin Kunavin — Tambov State University named after G.R. Derzhavin; kunavinks@gmail.com

Religious studies devote considerable attention to the research of doctrinal influences on social behavior and everyday practices among followers of various religious movements. This study analyzes the demographic behavior of the postniks *(one of the "old Russian sectarian" movements) in the Tambov region of the early twentieth century. The paper relies on the relational database developed by the authors during this research. The systematization of archival statistical data and other sources allows the authors to take a closer look at the* postniks' *religious life. The population pyramid based on the available data indicates their deep distinction from "ordinary" Orthodox peasants of the Tambov province. The same significant differences exist in the number of children in a family and other compared indicators. The authors argue that this specific demographic behavior is a consequence of the worldview attitudes of the* postniks *rather than any external factors.*

Keywords: history of religious movements, the postniks, religious life, demographic behavior, relational database.

Алленов А., Кунавин К. «Желаем жить не по плоти, а по духу»: демографическое поведение постников // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(3). С. 178–206.

Allenov, Andrey, Kunavin, Konstantin (2020) "'Living by Spirit, not by Flesh': Demographic Behavior of the Postniks", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38(3): 178–206.

Постановка проблемы и историографический обзор

В первой четверти XIX века в Тамбовской губернии зародилось новое религиозное течение, последователи которого называли себя «духовными христианами», «богомолами», «постниками». Последнее самоназвание со временем станет наиболее распространнным в среде приверженцев течения. В документах и историографии XIX–XX вв. течение это относили к «хлыстовству» (шире — к «мистическому сектантству»), а сторонников его именовали «хлыстами». В квалификации чиновников и полиции хлыстовство причислялось к «вреднейшим сектам», сама принадлежность к которым уже навлекала на человека судебное преследование.

Начало распространения постничества в Тамбовской губернии связано с именами Аввакума Ивановича Копылова и Татьяны Макаровны Черносвитовой. Проповедническую активность они проявили после пережитых видений ада и рая, получив в момент визионерских переживаний повеление «проповедовать веру духовных христиан»[1]. «Для услышания наставлений о спасении души» к ним потянулись крестьяне, что через некоторое время вызвало реакцию властей предержащих. Если при первом разбирательстве (1825 г.) суд обязал их «прекратить сборища» и «неистовые толкования о божестве», оставив на месте жительства, то второе (1837–38 гг.) закончилось приговором к «помещению» А.И. Копылова в монастырь (он умер в ожидании его исполнения в Кирсановском тюремном замке) и к ссылке Т.М. Черносвитовой в «Закавказския провинции».

Карательные меры не остановили движение, приверженцы которого обнаруживались сначала в селениях Тамбовской губернии, а вскоре и за ее пределами. В отсутствие основателей «закона» не заставили себя ждать нестроения в «союзе богомолов», разделившегося на сторонников Филиппа (сына А.И. Копылова) и Перфила Катасонова. Оба обладали необходимой для устроения общинной жизни харизмой, позволявшей изменять первоначальные практики и формировать «богословие» сообщества, но последнему предстояло сыграть выдающуюся роль в распространении «реформированного» постничества на юге Российской империи, где на его основе образуются новые течения. В Тамбов-

1. *Айвазов И.Г.* Материалы для исследования русских мистических сект: в 2 т. Вып. 1. Петроград: Тип. П.Я. Синченко, 1915. С. 137.

ской же губернии разделение сохранялось на протяжении всей истории существования постничества, но большинство придерживалось линии Ф. Копылова, его жены Анисьи Ивановны, ставшей самой известной и авторитетной «богородицей» тамбовских постников, и далее ее духовных наследников. В начале XX века постники проживали в десятках населенных пунктов Тамбовской губернии и даже преобразовывали в собственные поселения выкупленные у владельцев отдельные хутора.

Избравшим постничество предлагалось не довольствоваться «верой Ветхого Адама», под которой понимались предлагаемые официальным православием формы религиозной жизни, но «обновиться духом», «возродиться к новой жизни» и стать «первенствующими христианами», т. е. избранными, истинными. Церковное богослужение, таинства и обряды не отвергались, но признавались недостаточными в деле спасения души и «жизни в духе». Новый образ жизни, помимо внешней, «обрядовой» стороны православия, предполагал усиление аскезы: воздержание от половых отношений для всех, в том числе и живущих в браке; частое покаяние; полный отказ от алкоголя, мяса, рыбы, картофеля, чеснока и лука; к принятым в православии длительным постам и двум постным дням в неделю добавлялся третий, а по временам практиковалось и полное голодание в течение нескольких дней. Столь строгие пищевые запреты и определили ставшее наиболее распространенным местное название религиозного течения — «постники». Такие ограничения исключали участие в каких-либо сельских увеселениях, общественных празднествах, свадьбах, крестинах и т. п.

Веселию «мирскому и плотскому» постники предпочитали «духовное». Скрытно, чаще вечером или ночью, собираясь в крестьянских избах на многочасовые моления, которые состояли в беседах, пении стихов и молитв. Постепенно в практики вошли элементы экстатических ритуалов: «хождение», глоссолалия, чтение «духом» Писания, пророчество и пр. Это воспринималось как свидетельство благодатного действия Святого Духа, «сокатившего в собор избранных». Не только опасение наказания определяло закрытость от посторонних людей такого моления, но и забота о духовной чистоте участников действия. Нарушителей «постнического закона» отлучали от собраний на определенные сроки, дабы своими грехами они не помешали действию Святого Духа.

Сообщать «мирским» какие-либо подробности о вероучении, происходящем на молениях, внутренних делах общины и всего

к ней относящегося, а иногда и о самой принадлежности к постничеству, строго запрещалось. В результате последовательного исполнения предписаний семья постников замыкалась в себе, общение ей легче и удобнее было вести не с «внешними», даже если это соседи, а с единоверцами. Складывалось замкнутое религиозное сообщество с едиными интересами, взаимопомощью и противопоставлением «миру», связанное с подобными общинами в других местах.

«Борьба с сектантством» сделала необходимостью его изучение. Именно миссионерские, апологетические и полемические цели ставили перед собой его первые исследователи XIX века. Их интересовали «происхождение хлыстовской секты», ее история, вероучение, ритуальные практики, а также наиболее успешные способы сдерживания распространения противостоящих официальному православию религиозных течений или даже искоренения их. В этом ряду Г. Протопопов, И.М. Добротворский, П.И. Мельников, Н.И. Барсов, Н.В. Реутский, А.В. Рождественский, К.В. Кутепов[2]. Их работы имеют обобщающий характер. Авторы исходят из исторического и мировоззренческого единства «хлыстовщины», отмечая при этом, что «ересь людей божьих с течением времени распалась на многие разнообразные толки»[3], а «учение одной хлыстовской общины, при сходстве в основной доктрине, очень часто весьма много разнится в частностях от учения другой общины»[4]. Тамбовские постники не стали предметом специального исследования в этих работах, но были вписаны в общую историю «христовщины».

Миссионерско-апологетический и обличительный подход господствовал в конце XIX — начале XX века в публикациях по «сектантской» тематике С.Д. Маргаритова, Т.И. Буткевича,

2. *Протопопов Г.* Опыт исторического обозрения мистических сект в России // Труды Киевской духовной академии. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1867. Т. 4. С. 89–119; *Добротворский И.* Люди Божии: русская секта так называемых духовных христиан. Казань: Университетская типография, 1869; *Мельников П.И.* Полное собрание сочинений П.И. Мельникова [Андрея Печерского]. СПб: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1909. Т. 6; *Барсов Н.И.* Русский простонародный мистицизм. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1869; *Реутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы: историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М.: Тип. Грачева, 1872; *Рождественский А., священник.* Хлыстовщина и скопчество в России. М.: В Университетской тип. (М. Катков), 1882; *Кутепов К.* Секты хлыстов и скопцов. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1883.

3. *Мельников П.И.* Полное собрание сочинений П.И. Мельникова [Андрея Печерского]. С. 316.

4. *Барсов Н.И.* Русский простонародный мистицизм. С. 13.

Н.И. Ивановского[5]. В этой же традиции были написаны и труды исследователей, чьим местом служения в разное время являлась Тамбовская губерния. «Хлыстовство» они изучали на примере постников, поэтому их публикации во многом могут служить и в качестве источников по истории и особенностям вероучения и практик именно этого религиозного течения. Определяющее значение имели публикации И.И. Дубасова, Д.И. Боголюбова, И.Г. Айвазова, М.И. Третьякова[6].

Совершенно иной подход в изучении «сектантов-экстатиков» применил Д.Г. Коновалов. Фактически это была попытка провести исследование по психологии религии, опираясь на медицинские знания того времени[7]. В первой части работы «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» в описания различных состояний «возбуждения» попали некоторые элементы отношений между «духовными» мужем и женой.

Большое собрание документов и сведений под общим названием «Материалы к изучению русского сектантства и раскола» в начале XX века издал В.Д. Бонч-Бруевич[8]. В четвертом выпуске материалов о движении «Новый Израиль» тамбовские постники фигурируют в историософии В.С. Лубкова, главы этого движения[9].

Тема семьи и брачных отношений в среде «мистического сектантства», если и рассматривалась в дореволюционных публи-

5. Маргаритов С. Секта хлыстов. Кишинев: Типо-лит. Э. Шлиомовича, 1899; *Буткевич Т.И., проф.-прот.* Обзор русских сект и их толков. Харьков: Тип. Губ. правл., 1910; *Ивановский Н.* Секта хлыстов в ее истории и современном состоянии. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1898.

6. *Дубасов И.И.* Противоцерковные движения в Тамбовской губернии // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 791–792; *Дубасов И.И.* Тамбовские религиозные движения // Наблюдатель. 1891. № 5. С. 52–54; *Боголюбов Д.* Очерк современного Тамбовского сектантства и его более видных представителей: по личным наблюдениям. Тамбов, 1897; *Айвазов И.* Тамбовские постники // Миссионерское обозрение. СПб., 1901. Февраль. С. 190–203; *Айвазов И.* Тамбовское сектантство и борьба с ним // Миссионерское обозрение. СПб., 1904. № 9. С. 1174–1178. Документальные материалы о постниках содержатся и в сборнике *Айвазов И.Г.* Материалы для исследования русских мистических сект: в 2 т. Вып. 1. Петроград: Тип. П.Я. Синченко, 1915; *Третьяков М.* Сектантство Тамбовской губернии. СПб.: Тип. «Колокол», 1910. 46 с.

7. *Коновалов Д. Г.* Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Часть 1, Вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад: Тип. Св<ято>-Тр<оицкой> Сергиевой Лавры, 1908.

8. *Бонч-Бруевич В.Д.* Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. 1–7. СПб., 1908 — Пг., 1916.

9. *Бонч-Бруевич В.Д.* Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества. Вып. 4. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1911. С. LIX, LV–LVIII.

кациях, то исключительно в ракурсе богословских споров, обличения и подбора дурных примеров, способных, как считалось, добавить аргументов в противосектантской полемике. Зачастую уже заголовки публикаций говорили, что именно автор хочет донести до своих читателей: «Хлыстовское лжеучение о браке и безбрачии»[10], «В защиту христианского брака против лжеучения хлыстов»[11] и т. п. Разумеется, в таких сочинениях не находилось места для историко-демографического анализа, но встречались некоторые наблюдения, перемежаемые слухами и домыслами. Так, известный миссионер М.А. Кальнев, отмечая «отношение хлыстов к браку, как скверне», указывал на «большой процент молодых вдов и старых дев в заподозренном в хлыстовстве круге семейств», писал о наличии у «хлыстов и скопцов брезгливого чувства отвращения к рождающимся детям» и стремлении предотвратить деторождение:

> Все известные в простонародьи, большею частию опасные для здоровья и даже для жизни женщин, средства вытравления плода и аборта <...> практикуются у сектантов в самых широких размерах; бывает и не мало случаев детоубийств самими родителями — хлыстами и скопцами[12].

Говоря о малодетности сектантов, он ссылался на собственные наблюдения «больших “кораблей” хлыстов» в Херсонской губернии, состоявших «из нескольких десятков семейств, где никогда не было и нет детей уже в продолжение многих лет»[13].

В первые послереволюционные десятилетия, в соответствии с новой идеологией, должны были поменяться цели и методы изучения сектантства: «антирелигиозное всесоюзное совещание осудило поповские способы изучения и подразделения сект»[14]. Исследование религиозных сообществ подчинялось целям анти-

10. Хлыстовское лжеучение о браке и безбрачии. Самара: Тип. Самарской духовной консистории (Н.А. Жданова), 1900.

11. *Добромыслов П.* В защиту христианского брака против лжеучения хлыстов. Рязань: [б. и.], 1899.

12. *Кальнев М.А.* Как опознавать хлыстов и скопцов, отрицающих свою принадлежность к сектам, и какие меры борьбы с ними? Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1911. С. 15–16.

13. Там же. С. 17.

14. *Путинцев Ф.* Сектантство и антирелигиозная пропаганда. М.: Изд-во «Безбожник», 1928. С. 13.

религиозной и политической борьбы: «на лжереволюционность, на лжесоциализм сектантов и вообще на социально-политическую роль сектантов нужно обратить при изучении сектантства главное внимание»[15]. В то же время предлагалась целая программа по изучению сектантства с опросником по более широкому кругу тем[16]. Но значимых исследований «хлыстовства» в 1920–40-е годы не появилось.

Единственная попытка за весь послевоенный советский период провести исследование «секты христоверов» в Тамбовской области была предпринята А.И. Клибановым. В рамках историко-социологического изучения «современного сектантства» в 1950–70-е годы он несколько раз приезжал в регион для выявления и сбора материалов. Наиболее известна первая организованная им экспедиция 1959 года[17]. Результаты исследований в Тамбовской области были обобщены в специальном томе издания Академии наук СССР «Вопросы истории религии и атеизма» и использованы в ряде публикаций [18].

А.И. Клибанов столкнулся со сложностями изучения закрытых религиозных сообществ, но некоторый успех все же имел место: «даже в столь замкнутой религиозной среде, какую представляют собой ”хлысты” (постники) нам после ряда “осечек”, вернее безуспешных или же малоуспешных попыток, удалось найти отклик на нашу деятельность»[19]. Имелась в виду запись беседы с пожилым постником И.В. Селянским[20]. Для нашего исследования беседа интересна тем, что в ней неоднократно затрагивалась тема брака и деторождения. А.И. Клибанов указывал общее количество

15. Там же. С. 20.

16. См.: *Путинцев Ф.* Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах // Антирелигиозник. 1927. № 6. С. 78–83.

17. *Хун У.* Рождение этнографии из духа атеизма? Исследование «современного сектантства» в контексте антирелигиозных кампаний Н.С. Хрущева. // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 100–121. (В 2016 г. эта статья была опубликована на немецком языке.)

18. Вопросы истории религии и атеизма. В 12 вып. Вып. IX. Современное сектантство и его преодоление: по материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г. М.: Изд-во Академии наук, 1961; *Клибанов А.И.* Современное сектантство в Тамбовской области: по материалам экспедиции Института истории Академии наук СССР в 1959 г. // Вопросы истории религии и атеизма. В 12 вып. Вып. VIII. М.: Изд-во Академии наук, 1960. С. 59–100; *Он же.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973. и др.

19. *Клибанов А.И.* Современное сектантство в Тамбовской области: по материалам экспедиции Института истории Академии наук СССР в 1959 г. С. 64.

20. Вопросы истории религии и атеизма. В 12 вып. Вып. IX. С. 231–243.

постников в Тамбовской области на тот момент приблизительно в 250 человек. Экспедиция не могла собрать точные сведения, а тем более изучить статистику семей и демографическое поведение оставшихся постников, она лишь сделала выводы об их старении и «медленном убывании «хлыстовщины»[21].

Мощный импульс изучение религиозных конфессий в нашей стране получило в 1990-е годы. Тогда же появились и новые публикации о «хлыстовстве». Наиболее заметной в этот период стала книга А.М. Эткинда «Хлыст. Секты, литература и революция»[22]. В соответствии с поставленными задачами, А. Эткинд остается «в рамках филологии» и занимается «археологией текста» Серебряного века русской культуры, когда возрастал интерес к «расколу и сектантству». Некоторые размышления и наблюдения об особенностях брака в «хлыстовщине», отдельных аспектах отношений мужчины и женщины, их психофизиологических ощущениях содержатся в пункте «Сексуальное» вводной части книги.

Первым фундаментальным исследованием историко-культурного контекста появления христовщины и скопчества, их ритуальных практик и фольклора стала работа А.А. Панченко[23]. В общей истории христовщины XIX века в монографии упоминаются и тамбовские постники[24]. Изучение «хлыстовства» разных периодов и регионов продолжилось в трудах К.Т. Сергазиной, А.Г. Бермана, О.И. Дехтевич, А.В. Черныш [25] и др.

21. *Клибанов А.И.* Современное сектантство в Тамбовской области: по материалам экспедиции Института истории Академии наук СССР в 1959 г. С. 82–84.

22. *Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

23. *Панченко А.А.* Фольклор и религиозная культура русских мистических сект: XVIII — начало XX вв.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.09 / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. Санкт-Петербург, 2002. Монография, основой для которой послужило исследование, переиздавалась несколько раз. Первое издание: *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.

24. *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. С. 195–196.

25. *Сергазина К.Т.* «Хождение вкруг»: ритуальная практика первых общин христоверов. Москва: РГГУ, 2015; *Берман А.Г.* Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX — первой половине XX в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 24.00.01 / Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева. Саранск, 2006; *Дехтевич* О.И. Хлыстовское движение в России во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: специальность 07.00.02 <Отечеств. история> / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2009; *Черныш А.В.* Мистическое сектантство в Центрально-Черноземном регионе России в XIX — начале XX века: ав-

Подводя итог историографическому обзору, следует заметить, что в миссионерской литературе прошлого и исследовательских работах разного времени специального анализа особенностей демографических процессов в среде «мистического сектантства» не предпринималось, авторы, как правило, ограничивались сообщениями об отрицательном отношении к браку и половым связям, а иногда обращали внимание на сопряженную с этим бездетность или малодетность приверженцев этих течений.

Постники в российском селе: демографические процессы

Для характеристики взглядов постников можно взять фрагменты беседы А.И. Клибанова и И.В. Селянского, сделанной в июле 1959 года. Иван Васильевич от юности до старости провел в постниках, при этом, по собственному свидетельству, он «перед законом Божьим преступник». «Преступление» его, в частности, заключалось и в том, что он со своей женой «шесть человек детей родил»[26]. Столь явное нарушение установлений постничества не помешало И.В. Селянскому настаивать на истинности традиции: «Кто у нас побывал, не будет хулить закон, а себя будет обвинять, что он не в состоянии справиться с этим законом»[27].

По представлениям И.В. Селянского, история запрета на половые связи и деторождение началась еще в раю, о чем «священники не хочут объяснить»[28]. Там «Господь не разрешил детей Адаму родить с Евой, а говорит: живите, как ангелы, а ангелы бесплодные»[29]. Но Адам и Ева «сожрали блудное яблоко», за что были изгнаны из рая и обречены рожать детей и жить в болезнях и муках. Как видно, деторождение воспринимается в качестве следствия «блудного греха» и наказания за него. Отказ от «блудного сожития» и деторождения должен содействовать человеку в возвращении в райское состояние: «хотишь в раю быть, бесплодный должен быть, как ангел»[30]. Однако такое воздержание для человека тяжело в исполнении:

тореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского. Брянск, 2015.

26. Вопросы истории религии и атеизма. В 12 вып. Вып. IX. С. 235.
27. Там же. С. 238.
28. Там же. С. 233.
29. Там же. С. 237–238.
30. Там же. С. 233.

> Без семейства все не можут. А значит, вот с семейством, женись, и исполняй постницкий закон <...> Если не можешь, не хватает у тебя, как сказать, энергии что ли? Соблазн тебе берет. Жена чтоб была под боком, далеко не ходить. <...> Если человек, энергии у него хватит на это, и чтоб соблюдать закон, он и с женой соблюдет, если он не может, то пусть он родит детей и не ходит никуда. Детей не уничтожает и живет нормальной жизнью[31].

Правда, за деторождение полагалось наказание в виде запрета участвовать в молитвенных собраниях в течение двух лет. Но суровость в отношении нарушителей, по рассказу И.В. Селянского, осталась в прошлом:

> А сейчас никто не отлучает. А сейчас 40 дней, и то не хотят посидеть как следует. А идут на собрание. Вот уже как бы сказать... Ослабло все![32]

Архивные материалы позволяют увидеть, как выглядело демографическое поведение крестьян-постников во времена, когда «закон» соблюдался в большей строгости, и чем оно отличалось от их православных односельчан.

Основным источником для нашего исследования стали рапорты священников и подававшиеся ими духовному начальству «ведомости о числе раскольников и сектантов». В ведомости указывался относящийся к местному приходу населенный пункт, где проживали последователи какого-либо религиозного сообщества, сам же список формировался по домохозяйствам, начиная с главы семьи и живущих с ним близких (жена, дети, внуки). Там же отмечались их возраст, семейный статус, сословие и т. п. К сожалению, сохранившиеся ведомости относятся к разным годам (с 1906 по 1914) и не охватывают всех населенных пунктов Тамбовской губернии, где в начале XX века проживали постники. Более трети этих данных (40%) занесены в источники в 1914 г., 28% — в 1911 г., 21% — в 1907 г. Остальные 11% записей приходятся на 1906, 1908 и 1909 гг.

Установление точного числа постников являлось проблемой для гражданских и духовных властей в течение всей истории этого течения. И в начале XX века статистика приводилась разная:

31. Там же. С. 239–240.

32. Там же. С. 240.

1960 человек (1904 г.)[33], 1500 (1910–1911 гг.)[34], 1610 (1912 г.)[35] и т. п. Причем обычно эти «скачущие» данные считались заниженными из-за трудности выявления постников, как правило, числившихся православными и неизменно заявлявших себя таковыми духовенству и чиновникам. База данных, куда внесены материалы упомянутых ведомостей, содержит сведения о 178 домохозяйствах, в которых проживало почти 600 человек, что, по нашему мнению, составляет достаточный уровень репрезентативности.

Статичные данные (один временной срез) не позволяют установить динамику демографических изменений всей изучаемой группы. Однако их количество достаточно для составления половозрастной пирамиды и ее сравнения с аналогичными данными сельского населения Тамбовской губернии. Схожие очертания пирамид позволят с большой долей вероятности заявить об отсутствии различий в демографическом поведении постников и остального населения, проживавшего в том же временном и географическом срезе. Напротив, различные очертания диаграмм покажут разницу положения постников в социально-демографическом ландшафте Тамбовской губернии начала XX века.

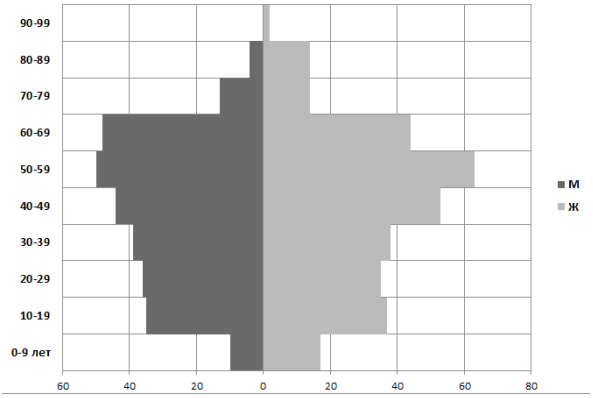
Для предотвращения значительных потерь или искажений данных, вызванных тем, что статичная информация по разным персонам собрана не в один год, было принято решение построить половозрастную пирамиду по состоянию на 1914 год. Данные, собранные в другие годы, были пересчитаны и показывали не реальный возраст человека, а гипотетический на 1914 год. Безусловно, есть вероятность того, что кто-то из «переселенных» в 1914 г. мог не дожить до указанной отметки, однако разница между 1914 и 1907 годом (самый ранний год в базе, если не считать 1906, на который приходится 2% записей) всего 7 лет, что позволяет пренебречь такой вероятностью и предположить, что этот путь в меньшей степени исказит картину, нежели исключение из расчетов данных за более ранние периоды.

33. *Айвазов И.* Тамбовское сектантство и борьба с ним // Миссионерское обозрение. СПб., 1904. № 7. С. 905.

34. *Третьяков М.* Сектантство Тамбовской губернии. С. 35; *Андриевский А.Е.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов: Типо-литогр. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. С. 15.

35. ГАТО. Ф. 2. Оп. 134. Д. 68. Л. 46.

Диаграмма 1. Половозрастная пирамида представителей постнического течения на 1914 г.

Очертания полученной диаграммы (см. диаграмму 1) ясно указывают на вымирание изучаемой выборки. По вертикали — когорты по группам возрастов, по горизонтали — количество людей. Самой многочисленной когортой стала группа людей в возрасте 50–59 лет. Плавное сокращение когорт в направлении увеличения возраста, очевидно, вызвано естественной смертностью более старшего поколения. Уменьшение пирамиды к ее основанию может указывать на тренд устойчивого полувекового сокращения рождаемости.

Изучение тамбовскими историками демографического поведения всего сельского населения губернии накануне революции и Гражданской войны приводит к выводу о том, что в среде крестьянства того времени значительно доминировал традиционный тип воспроизводства, заключавшийся в высокой рождаемости при относительно высокой смертности[36]. Причем

> эта традиция являла собой совокупность максимальной моногамной брачности (более 97 %), предельно раннего замужества (18,1–18,2 года для родившихся в 1885–1891 гг.) при ничтожности добрачной половой жизни, ничтожного применения контрацепции (менее 1 %), малой доли абортов (5–6 %). Демографический результат: 6–9

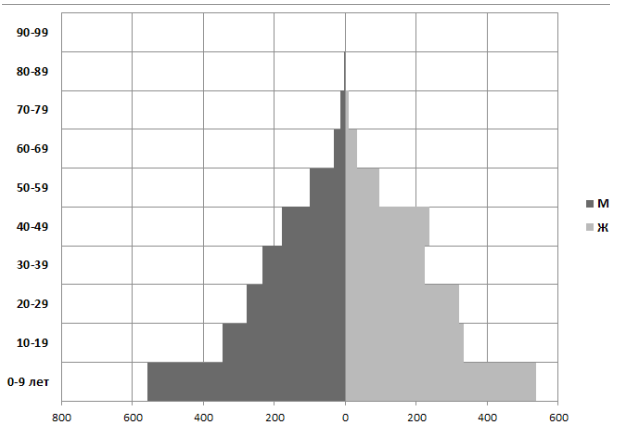
36. *Дьячков В.Л., Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Изучение демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1917–1920 гг. методами фрактального моделирования // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке: сб. науч. ст. М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 138.

живых детей как итог женской плодовитости, ограниченной по преимуществу возможностями здоровья женщины[37].

Такой тип воспроизводства хорошо показывает остроконечная с широким основанием возрастная пирамида (см. диаграмму 2).

Изменение стратегии демографического поведения под действиями социально-политических конфликтов и всеобщего демографического перехода стало проявляться лишь в 1917–1920 гг. Примечательно, что даже тогда этот процесс затронул не все населенные пункты, а две трети. Более того, в половине из этой доли, несмотря на изменения, рождаемость продолжала превышать смертность[38]. На этом фоне единичные случаи «вымирания» некоторых сельских поселений, по мнению исследователей, являлись следствием резкого ухудшения уровня жизни[39].

Диаграмма 2. Половозрастная пирамида села Малые Пупки (Тамбовская губерния) во второй половине XIX в.[40]

Таким образом, наблюдается значительное различие между «вымирающими» общинами постников и растущим православным сель-

37. *Дьячков В.Л.* Российская демографическая модель в XX в.: Особенности перехода от традиции к модерну // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 20. № 12 (152). 2015. С 143–144.

38. *Дьячков В.Л., Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Изучение демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1917–1920 гг. методами фрактального моделирования. С. 138.

39. Там же. С. 139.

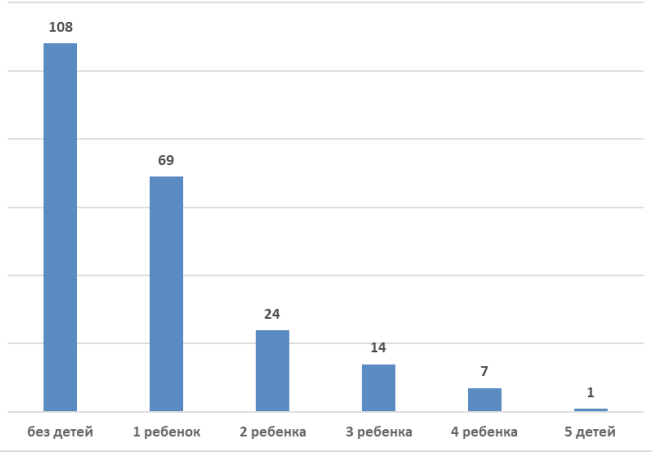
40. Данные предоставил к.и.н., доцент ТГУ им. Г.Р. Державина В.Л. Дьячков.

ским населением губернии. Традиционная демографическая стратегия русского крестьянства в начале XX века и демографическое поведение постников в тот же период — это не проявление разных состояний одной модели, а, напротив, совершенно различные модели поведения. В то время, как демографическое поведение большей части российского социума в основном определяли природно-климатические факторы[41], демографическое поведение постников регулировалось не природными процессами и не логикой модели демографического перехода. Также нет оснований говорить о принципиальной разнице в условиях жизни между постниками и остальными группами населения Тамбовской губернии.

Попробуем рассмотреть ситуацию подробнее. В анализируемой совокупности из 588 персон, занесенных в базу данных, было выделено только 223 супружеские пары. Причем пара определялась даже в тех случаях, когда мы имели информацию только об одном из ее представителей. Так, например, женщина с детьми, но без мужа, записывалась как еще одна пара, супруг которой не дожил до момента ревизии.

Лишь половина выявленных пар (115, или 52%) имела детей, причем в подавляющем большинстве случаев (69, или 60%) в количестве одного. На 24 семьи (20%) приходилось два ребенка, а в 14 случаях (12%) — три (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Количество детей в изучаемых парах

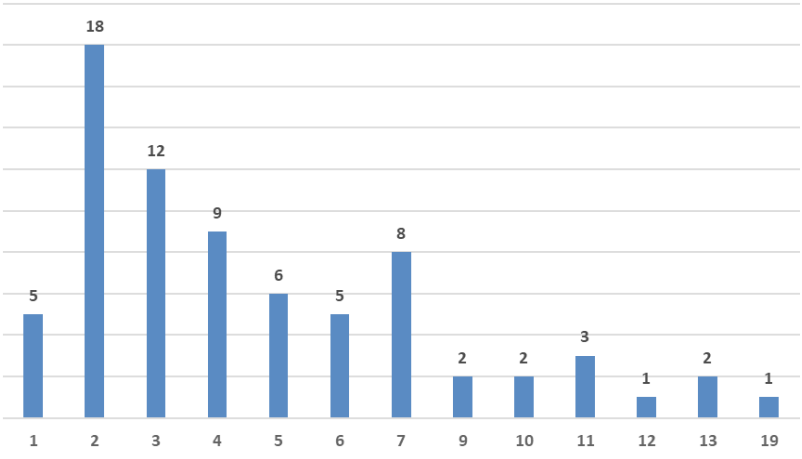

41. *Дьячков В.Л., Канищев В.В.* Прогноз роста населения России на XX в. и состоявшаяся реальность. Взгляд «снизу» из тамбовской крестьянской среды // Ineternum. № 1. 2011. С. 56–74.

Такая низкая рождаемость могла бы быть объяснена возрастом вступления в брак, однако несмотря на то, что у нас нет данных, содержащих сведения о моменте заключения брака, мы можем заключить, что это предположение малообоснованно. Средний возраст женщин на момент рождения у них первенца в рассмотренных 115 семьях составлял 24 года. Ожидаемо, что ряд полученных возрастов оказался в меру разбросанным (стандартное отклонение — 5,5 лет, минимальный показатель — 16, максимальный — 45), однако нормальное распределение ряда[42] указывает на то, что подавляющее большинство значений сосредоточено в диапазоне 20–30 лет. Рождение первенца в этом диапазоне возрастов не могло быть препятствием к дальнейшему увеличению состава семьи.

Последнюю мысль подтверждает также анализ разницы возрастов между первым и вторым или вторым и третьим ребенком в тех семьях, где их было больше одного (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4. Разница возрастов между детьми в одной семье (по горизонтали — количество лет; по вертикали — количество случаев)

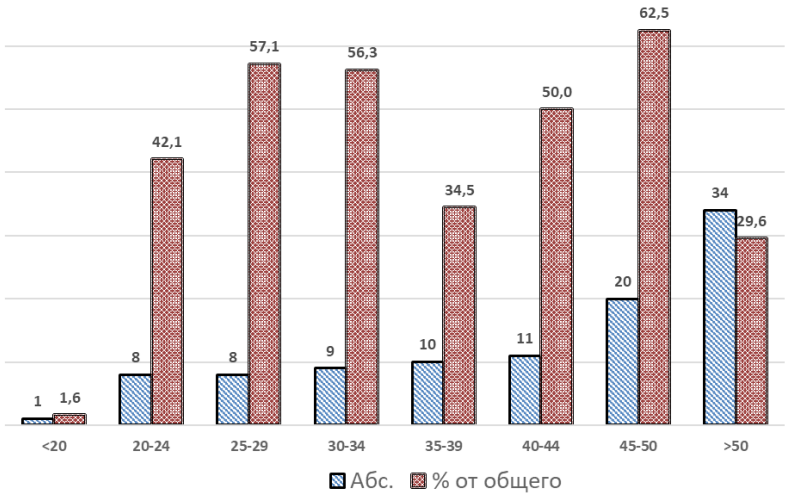
Половина случаев, в которых разница составляет 1–3 года, типичны для крестьянских семей того времени, однако оставшаяся

42. Нормальное распределение данных говорит, что примерно 60–70% показателей ряда будут сосредоточены в пределах 1 стандартного отклонения от среднего арифметического.

часть, лежащая за границей 3 лет, представляет собой довольно хаотичный разброс с ожидаемым смещением значительной доли к левой стороне.

Анализ возрастов женщин-постниц, находящихся в браке, но не имеющих детей, выявляет интересную картину (см. диаграмму 5).

Диаграмма 5. Распределение бездетных пар по возрастным группам

За объяснимым исключением 1-й и последней групп следует почти стабильная доля (примерно в половину) бездетных жен в каждой возрастной группе. Такая картина вряд ли может быть объяснена какими-либо внешними (по отношению к воле человека) причинами. Напротив, на наш взгляд, это поведение определялось культурными и религиозными мотивами.

Историческая демография: семьи постников

Интересно рассмотреть демографическое поведение постников в ракурсе микроистории. Для примера можно взять село Верхоценье Тамбовского уезда. Не все жители села придерживались православного христианства. По сообщению настоятеля местной церкви Михаила Зеленёва (1843–1907), прослужившего в этом приходе 19 лет, здесь проживало одно молоканское семейство, переселившееся сюда в первой четверти XIX столетия

из с. Козьминой Гати. В нем числилось 33 «души обоего пола», из которых, к радости священника, в 1872–73 гг. «24 души обоего пола присоединено к православию и новоприсоединенные отделились жительством от оставшихся в молоканстве»[43]. Он же оставил некоторые подробности начала распространения здесь постничества. По его сведениям, примерно в конце 1850-х гг. крестьянин Тимофей Чичканов, «человек грамотный и с религиозным настроением, начитавшийся духовных книг без разумного и опытного руководителя»[44], возвращался как-то с богомолья и переночевал в одном из сел соседнего уезда. Предоставивший ночлег хозяин затеял с ним разговор о вере и даже дал ему «рукописную тетрадь», которую тот с увлечением читал. Домой Тимофей вернулся приверженцем постничества. Большое семейство Чичкановых, «разделившееся потом на четыре дома, родственное им семейство и несколько лиц из трех других родных им семейств»[45] постепенно примкнули к «новой вере».

В 1875 году о. Зеленёв насчитывал в приходе 33 «души обоего пола» из постников и пребывал в уверенности, что с года назначения его настоятелем (1867) «не было переходов из православия в это общество»[46]. Десятилетие спустя, в июне 1885 года, обеспокоившись тем, что «секта хлыстов, все более и более распространяется», священник донес об этом епархиальному начальству[47]. Донос обернулся «следствием по делу», в ходе которого указывалось количество постников в селе в 53 человека (22 мужчины и 31 женщина). На 1907 год их уже было 69 (27 мужчин и 42 женщины)[48]. Как видно, на протяжении 50 лет рост происходил крайне медленно. И особенности демографического поведения были одной из причин этого.

Примеры отдельных семей могут служить иллюстрацией влияния религиозных предпочтений на демографическое пове-

43. Зеленёв М., священник. Село Верхоценье (Тамбовского уезда). Очерк исторического его происхождения и церковно-приходской, религиозно-нравственной и общественной жизни // Тамбовские епархиальные ведомости. 1875. № 6. С. 129.

44. Там же. С. 130.

45. Там же. С. 131.

46. Там же.

47. Дело о совращении из православия в хлыстовскую секту // Тамбовские губернские ведомости. 1887. № 121.

48. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2505. Л. 45–46.

дение. Семья Михаила Андреевича Чичканова (см. диаграмму 6)[49] примкнула к постничеству в конце 1850-х годов, неизменно декларируя при этом свою принадлежность к православию. Трое детей этой семьи рождены до принятия постничества, после чего рождения прекратились. Сам глава семьи во время следствия не захотел пояснять причины уклонения от продолжения деторождения после появления на свет сына («не знаю почему не рождаем»)[50]. Дети были воспитаны в постнической традиции. В 1885 г., уже выйдя из обычного для крестьянок возраста вступления в брак, Евфимия (40 лет) и Ксения (32 лет), заявляя себя православными и постницами, объясняли свое безбрачное состояние тем, что замужество им «претит»[51]. Герасим, хотя женился (ранее 28 лет) и прожил с супругой долгую жизнь, оставался бездетным в 50 лет (1907 г.). Как показывала на следствии его жена, Параскева Александровна, «ребят у нас нет потому, что супружеских соединений с мужем мы не имеем, хотя спим вместе, считаем с мужем соединение скверной»[52]. Единственным молодым человеком в домохозяйстве Герасима Чичканова, где проживали его супруга и старшие сестры, состоял приемный сын Герасима и Параскевы Антон Юмашев (20 лет). Своего потомства они так и не оставили.

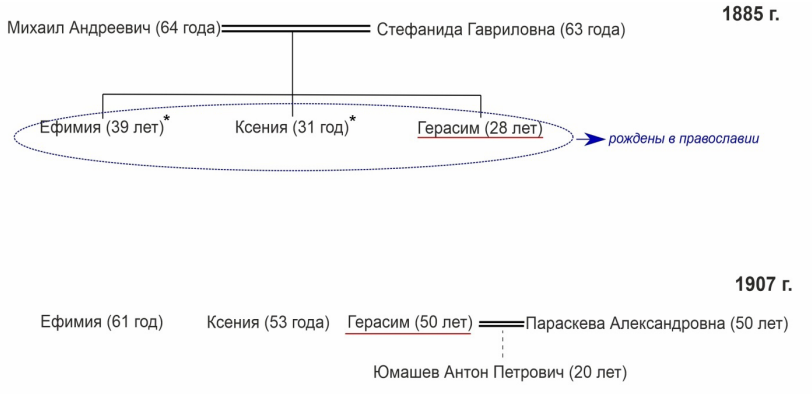
49. Общее замечание к диаграммам. Возраст указанных на диаграммах лиц взят из «Ведомостей о числе раскольников и сектантов» 1885 и 1907 гг. При их составлении обычно называлось количество прожитых полных лет, соответственно, в один и тот же год составитель мог указать возраст одного человека с разницей в год и даже более. Кроме того, могли указать неточные или устаревшие данные, не пересчитывая их. Поэтому у некоторых показанных на диаграммах лиц, при прибавлении к возрасту человека в 1885 г. 22 лет (разница с 1907 г.), показанный возраст на 1907 год может разниться. Например, на диаграмме № 7: Алексей Попов в 1885 г. — 34 года, в 1907 г. — 55 лет, а должно быть 34+22 = 56 лет.

50. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3575. Л. 95 об.

51. Там же. Л. 95а и 95а об.

52. Там же. Л. 97 об.

Диаграмма 6. Семейство Михаила Андреевича Чичканова[53]

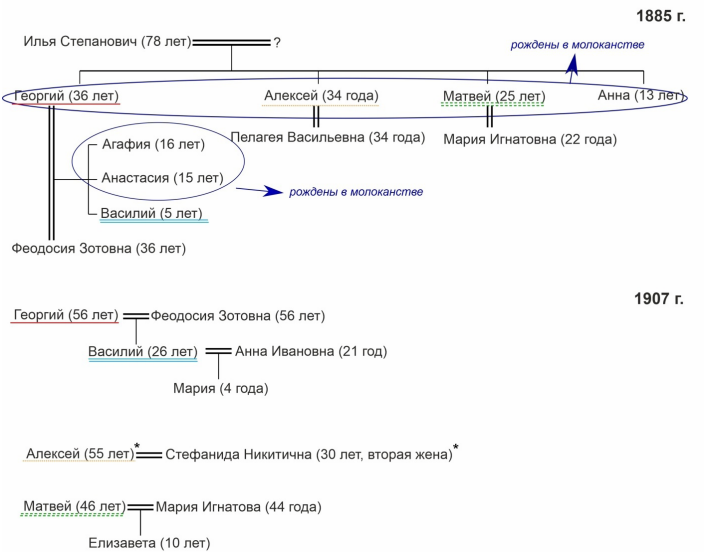

Другая семейная история не менее показательна. Семейство Ильи Степановича Попова исповедовало молоканство. По его свидетельству, он «захотел быть постником, как некоторые из наших односельчан постничают»[54]. Желание это разделили и многие родственники Ильи Степановича. Для принятия постничества им необходимо было сначала присоединиться к православию, совершив водное крещение, которого в молоканстве нет, что они и сделали. В показаниях 1885 года Поповы сообщали, что крестились около тринадцати лет тому назад. Получается, та большая группа молокан из 24 человек, которую присоединил к православию священник М. Зеленёв в конце 1872 и начале 1873 года, делала таким образом первый шаг к принятию постничества. Все дети Ильи Степановича (см. диаграмму 7) были рождены в молоканстве. Причем последняя дочь (Анна) родилась, видимо, в год перехода в православие (постничество), когда отцу было 65 лет. Разница в возрасте между старшим ребенком в семье Георгием (Егором, 36 лет) и младшим — Анной (13 лет) составляет 23 года, а между предпоследним Матвеем (25 лет) и Анной — 12 лет. Вполне вероятно, в семье некогда еще рождались дети, но умерли в младенчестве или несколько позже, не дожив до года следственного дела (1885). И молокане, и православные придерживались традиционной модели демографического поведения, отличавшегося высокой детностью.

53. * - персона бездетна

54. Там же. Л. 105 об.

Диаграмма 7. Семейство Ильи Степановича Попова[55]

Старший сын Ильи Попова Георгий и его супруга Феодосия заключили брак в молоканстве примерно в 19-летнем возрасте. За два года у них появилось двое сыновей. Но в возрасте 21–22 лет состоялся их переход в постничество в той самой группе 24 молокан (1872–1873 гг.) и последовал длительный перерыв в рождении детей. Младший их сын рожден уже в постничестве. Собственно, самого рождения могло и не состояться. Как объяснил Георгий, «родил я с женою своею… после того, как выкрестился из молоканства в православие и стал постником, одного сына Василия, не более, потому, что совокупление с женою считаю скверною, — и Василий-то, по-моему, грешок», а жена добавила уточнение: «по слабостям нашим он родился»[56]. На 1907 год в семействе самого Василия (26 лет) и его супруги Анны (21 год) имелась одна дочь Мария (4 года).

Средний сын Ильи Попова Алексей первый брак также заключил в молоканстве, однако до перехода в постничество родить детей не успел. В показании 1885 г. он твердо заявил: «Детей мы с женой не рождаем потому, что не имеем с нею супружеских совокуплений, живя с ней не как муж с женою, а как брат с се-

55. * - персона бездетна

56. Там же. Л. 106 об. — 107.

строю, — не по плоти мы с нею муж и жена, а по духу»[57]. «Духовным» был и второй его брак: в 1907 году он жил с супругой, которая моложе его на 25 лет, также бездетно.

Матвею, младшему сыну Ильи Попова, подыскивали супругу из постниц. В 1885 году, давая показание, она свои взгляды изложила так: «Я замужем семь лет. Детей не имеем с мужем потому, что с ним супружески не совокупляемся; так себя заправили жить; думаем, что это послужит для души — спасения»[58]. Однако устоять в строгости «постнического закона» им все же не удалось. В 1907 году у Матвея (46 лет) и Марии (44 года) имелась десятилетняя дочь, родившаяся, получается, после 18–19 лет бездетного брачного состояния.

Ситуации, когда «плоть брала свое», приводили не только к отступлению от традиционных требований постничества. Иногда они способствовали полному разрыву с общиной и прежним образом жизни.

26 февраля 1911 г. крестьянин села Верхоценье Федор Чичканов обратился в Тамбовскую духовную консисторию с прошением, в котором объяснил, что жена его Марфа Кузьминична «в первую же ночь отказалась разделить с ним «брачное ложе», называя это скверной», и решительно заявила, что и впредь не будет иметь «супружеских отношений»[59]. Родители жены и родственники мужа поддержали молодую супругу. Постники решили поручить женщину Герасиму Чичканову «под наблюдение за ее чистотой»[60]. Федор оставил супругу и просил консисторию расторгнуть его брак, разрешив повторное супружество. Документы дела показывают, что Федор и Марфа поженились в 1898 году, когда им было по 18 лет. На следствии Марфа показала, что с детства принадлежит к постникам, брачное сожительство «грязным» не считает, но

> плотских супружеских отношений с мужем со дня брака в течение шести лет совместной жизни не имела, после же этих шести лет не могла иметь, так как стали жить врозь, причиной чему служило нежелание мужа жить вместе[61].

57. Там же. Л. 107–107 об.
58. Там же. Л. 108.
59. РГИА. Ф. 796. Оп. 195. Д. 1467. Л. 2.
60. Там же.
61. Там же.

По показаниям свидетелей, Федор был постником, «но лет 5–6 тому назад он перестал вести образ жизни постников, т. е. стал есть мясо, пить вино и употреблять всякую пищу», Марфа же «жить по примеру мужа не желает»[62]. Духовная консистория посчитала, что раз Федор «вернулся в православие», а жена его упорствовала в «хлыстовской ереси», брак возможно расторгнуть с «дозволением Федору Чичканову вступить, если пожелает, в новый (второй) брак»[63]. Святейший Синод утвердил консисторское решение, «в целях ограждения религиозной совести просителя Чичканова и сохранения его в числе верных чад Церкви»[64], а некоторое время спустя «Высочайше соизволил на приведение в исполнение определения Святейшего Синода» Государь Император[65].

На схеме (см. диаграмму 8) показана демографическая история семьи основателя постничества в селе Верхоценье Тимофея Чичканова. До своего постнического выбора он с супругой успел родить сына Степана и дочь Агриппину (умерла до следствия 1885 г.). Степан Тимофеевич, воспитанный в постничестве и женившийся на постнице из другого села, в показаниях обходил тему брака. Супруга же его Акилина Афиногеновна откровенно пояснила: «Мы родили детей, но давали было обещание Богу жить с мужем не как муж с женой, а как брат с сестрой, да плоть-хотение не допустили до этого»[66]. Если множественное число («родили детей») не фигура речи или неточная запись слов следователем, надо полагать, кто-то из рожденных Акилиною детей умер в младенчестве, т. к. на время допроса (1885 г.) у нее с мужем был только шестилетний Федор. Ему, появившемуся на свет вследствие «плотского падения» родителей, пришлось и самому отказаться от аскетических практик постников. Вполне возможно, что второй («православный») брак Федора Степановича не позволил пресечься этой линии Чичкановых.

62. Там же. Л. 3.

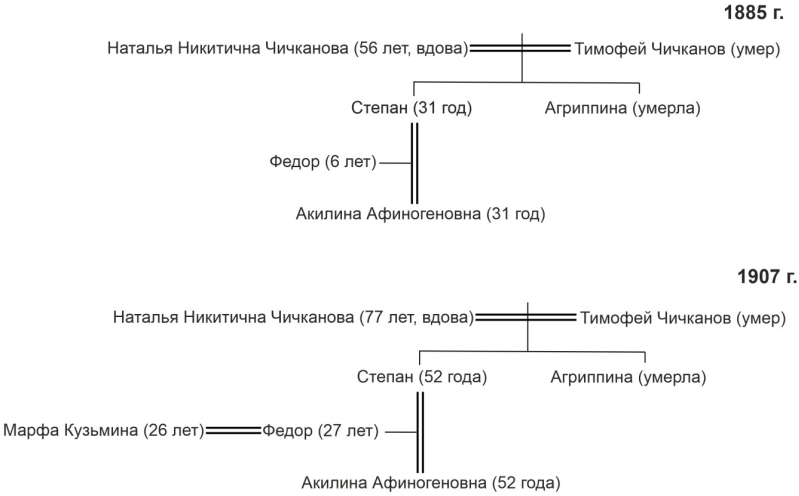
63. Там же. Л. 5 об.

64. Там же. Л. 11 об.

65. Там же. Л. 15.

66. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3575. Л. 105.

Диаграмма 8. Семейство Тимофея Чичканова

Заключение

Предложенный очерк демографического поведения постников показывает, что оно довольно слабо способствовало воспроизводству этого течения. Каждое последующее поколение было меньше предыдущего. Это «вымирание» не могло быть вызвано материально-бытовыми причинами. Уровень жизни постников редко уступал их православным односельчанам, а обычно превосходил его. Несомненно, основным фактором, определившим особенности демографического поведения постников, стали мировоззренческие установки. Ограниченность «семейного воспроизводства» постничества являлась дополнительным стимулом для проповеди «внешним». В первую очередь новые обращенные обеспечивали медленный, но постоянный рост численности приверженцев постничества в XIX — начале XX века.

В советский период ситуация резко поменялась. Коллективизация и «раскрестьянивание» разрушали привычный уклад жизни миллионов людей, в том числе и постников. Волны антирелигиозных кампаний раз за разом вымывали из движения молодежь, которую старшие поколения все меньше и меньше посвящали в дела общин. Так еще больше сокращались возможности передачи традиции в семьях. Немаловажную роль играли в разные годы репрессивная политика в отношении «сектантов», гласный и скрытый жесткий контроль их религиозной жизни, адми-

нистративные меры. Советская власть относила «хлыстовство» к числу «изуверских сект», а потому возможность легального существования путем регистрации общин и устройства молитвенного дома для них была закрыта. В послевоенный период собрания повсеместно «старели», слабела «дисциплина» в исполнении норм «закона», что дало основание А.И. Клибанову уже на рубеже 1950–60-х гг. говорить об «идейном и организационном крахе «хлыстовщины»[67].

Взятая в качестве примера община постников села Верхоценье не смогла дожить до своего столетнего юбилея всего несколько лет. В 1940-е годы «подпольная секта хлыстов» здесь еще сохранялась, но уже в 1954 году уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Тамбовской области доложил своему московскому начальству, а также местному партийному и советскому руководству, что «верующих хлыстов-постников в селе Верхоценье… нет»[68]. Таяла перспектива сохранения и самого течения постников.

Библиография / References

Архивные материалы

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО).

Ф. 181 — Тамбовская духовная консистория.

Ф. Р-5220 — Уполномоченный Совета по делам религий.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Ф. 1431 — Дела местных учреждений о старообрядцах и сектантах.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 796 — Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода.

Литература

Айвазов И. Тамбовские постники // Миссионерское обозрение. СПб., 1901. Февраль. С. 190–203.

Айвазов И. Тамбовское сектантство и борьба с ним // Миссионерское обозрение. СПб., 1904. № 7. С. 904–912; № 9. С. 1174–1178.

Айвазов И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект: в 2 т. Вып. 1. Петроград: Тип. П.Я. Синченко, 1915.

Андриевский А. Е. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов: Типо-литогр. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911.

Барсов Н.И. Русский простонародный мистицизм. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1869.

67. Вопросы истории религии и атеизма. В 12 вып. Вып. IX. С. 231.

68. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 3-с. Д. 21. Л. 16.

Берман А.Г. Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX — первой половине XX в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 24.00.01 / Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева. Саранск, 2006.

Боголюбов Д. Очерк современного Тамбовского сектантства и его более видных представителей: по личным наблюдениям. Тамбов, 1897.

Бонч-Бруевич В.Д. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. 1—7. СПб., 1908 — Пг., 1916.

Буткевич Т.И., проф.-прот. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Тип. Губ. правл., 1910.

Вопросы истории религии и атеизма. В 12 вып. Вып. IX. Современное сектантство и его преодоление: по материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г. М.: Изд-во Академии наук, 1961.

Дело о совращении из православия в хлыстовскую секту // Тамбовские губернские ведомости. 1887. № 121.

Дехтевич О.И. Хлыстовское движение в России во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: специальность 07.00.02 <Отечеств. история> / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2009.

Добромыслов П. В защиту христианского брака против лжеучения хлыстов. Рязань: [б. и.], 1899.

Добротворский И. Люди Божии: русская секта так называемых духовных христиан. Казань: Университетская типография, 1869.

Дубасов И.И. Противоцерковные движения в Тамбовской губернии // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 791–792.

Дубасов И.И. Тамбовские религиозные движения // Наблюдатель. 1891. № 5. С. 52–54.

Дьячков В.Л. Российская демографическая модель в XX в.: Особенности перехода от традиции к модерну // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 20. № 12(152). 2015. С 143–147.

Дьячков В.Л., Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Изучение демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1917–1920 гг. методами фрактального моделирования // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке: сб. науч. ст. М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 131–150.

Дьячков В.Л., Канищев В.В. Прогноз роста населения России на XX в. и состоявшаяся реальность. Взгляд «снизу» из тамбовской крестьянской среды // Ineternum. № 1. 2011. С. 56–74.

Зеленев М., священник. Село Верхоценье (Тамбовского уезда). Очерк исторического его происхождения и церковно-приходской, религиозно-нравственной и общественной жизни // Тамбовские епархиальные ведомости. 1875. № 6.

Ивановский Н. Секта хлыстов в ее истории и современном состоянии. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1898.

Кальнев М.А. Как опознавать хлыстов и скопцов, отрицающих свою принадлежность к сектам, и какие меры борьбы с ними? Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1911.

Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973.

Клибанов А.И. Современное сектантство в Тамбовской области: по материалам экспедиции Института истории Академии наук СССР в 1959 г. // Вопросы истории религии и атеизма. В 12 вып. Вып. VIII. М.: Изд-во Академии наук, 1960. С. 59–100.

Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Часть 1. Вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад: Тип. Св<ято>-Тр<оицкой> Сергиевой Лавры, 1908.

Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1883.

Маргаритов С. Секта хлыстов. Кишинев: Типо-лит. Э. Шлиомовича, 1899.

Мельников П.И. Полное собрание сочинений П.И. Мельникова [Андрея Печерского]. СПб: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1909. Т. 6.

Панченко А.А. Фольклор и религиозная культура русских мистических сект: XVIII — начало XX в.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.09 / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. Санкт-Петербург, 2002.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.

Протопопов Г. Опыт исторического обозрения мистических сект в России // Труды Киевской духовной академии. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1867. Т. 4. С. 89–119.

Путинцев Ф. Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах // Антирелигиозник. 1927. № 6. С. 78–83.

Путинцев Ф. Сектантство и антирелигиозная пропаганда. М.: Изд-во «Безбожник», 1928.

Реутский Н.В. Люди Божьи и скопцы: историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М.: Тип. Грачева, 1872.

Рождественский А., священник. Хлыстовщина и скопчество в России. М.: В Университетской тип. (М. Катков), 1882.

Сергазина К.Т. «Хождение вкруг»: ритуальная практика первых общин христоверов. Москва: РГГУ, 2015.*Третьяков М.* Сектантство Тамбовской губернии. СПб.: Тип. «Колокол», 1910.

Хлыстовское лжеучение о браке и безбрачии. Самара: Тип. Самарской духовной консистории (Н. А. Жданова), 1900.

Хун У. Рождение этнографии из духа атеизма? Исследование «современного сектантства» в контексте антирелигиозных кампаний Н.С. Хрущева. // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 100–121.

Черныш А.В. Мистическое сектантство в Центрально-Черноземном регионе России в XIX — начале XX века: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского. Брянск, 2015.

Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Archival materials

Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State Archive of Tambov region].

F. 181 — Tambovskaia dukhovnaia konsistoriia [Tambov Spiritual Consistory].

F. R-5220 — Upolnomochennyi Soveta po delam religii [Commissioner of the Council on Religious Affairs].

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts].

F. 1431 — Dela mestnykh uchrezhdenii o staroobriadtsakh i sektantakh [Cases of local institutions about Old Believers and sectarians].

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive].

F. 796 — Kantseliariia Sviateyshego Pravitel'stvuiushchego Sinoda [Office of the Holy Synod of Government].

Literature

Ayvazov, I. (1901) "Tambovskie postniki" [Tambovsky postniks], *Missionerskoe obozrenie*. Fevral': 190–203.

Ayvazov, I. (1904) "Tambovskoe sektantstvo i bor'ba s nim" [Tambov sectarianism and struggle against it], *Missionerskoe obozrenie* 7: 904–912; 9: 1174–1178.

Ayvazov, I.G. (1915) *Materialy dlia issledovaniia russkikh misticheskikh sekt: v 2 t. Vyp. 1* [Materials for the study of Russian mystical sects: in 2 vol. Vol. 1.]. Petrograd: Tip. P.IA. Sinchenko.

Andrievskii, A.E. (1911) *Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii* [Historical and statistical description of the Tambov diocese]. Tambov: Tipo-litogr. N. Berdonosova i F. Prigorina.

Barsov, N.I. (1869) *Russkii prostonarodnyi mistitsizm* [Russian Folk mysticism]. SPb.: Tip. Departamenta udelov.

Berman, A.G. (2006) *Misticheskoe sektantstvo v Srednem Povolzh'e v XIX-pervoi polovine XX vv.: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 24.00.01* [Mystical sectarianism in the Middle Volga region in the XIX — first half of the XX cc.: abstract of dis... Candidate of Historical Sciences: 24.00.01]/Chuvash. gos. ped. un-t im. I.IA. Iakovleva. Saransk.

Bogoliubov, D. (1897) *Ocherk sovremennogo Tambovskogo sektantstva i ego bolee vidnykh predstavitelei: po lichnym nabliudeniiam* [Essay of modern Tambov sectarianism and its more prominent representatives: by personal observations]. Tambov.

Bonch-Bruevich, V.D. (1908–1916) *Materialy k istorii i izucheniiu russkogo sektantstva i raskola. Vyp. 1–7* [Materials to the history and study of Russian sectarianism and schism. Vol. 1–7.]. SPb.

Butkevich, T.I., prof.-prot. (1910) *Obzor russkikh sekt i ikh tolkov* [Review of Russian Sects and their Interpretations]. Khar'kov: Tip. Gub. pravl.

Voprosy istorii religii i ateizma. V 12 vyp. Vyp. IX. Sovremennoe sektantstvo i ego preodolenie: po materialam ekspeditsii v Tambovskuiu oblast' v 1959 g. [Questions of the History of Religion and Atheism. In 12 vol., issue IX. Contemporary Sectarianism and its Overcoming: Based on the materials of an expedition to the Tambov Region in 1959] (1961). M.: Izd-vo Akademii nauk.

"Delo o sovrashchenii iz pravoslaviia v khlystovskuiu sektu" [The case of seduction from Orthodoxy to the Khlistov sect] (1887), *Tambovskie gubernskie vedomosti* 121.

Dekhtevich, O.I. (2009) *Khlystovskoe dvizhenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX—nachale XX veka: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk: 07.00.02* [Khlistovski movement in Russia in the second half of XIX — beginning of XX century: abstract of dis... Candidate of Historical Sciences]. Mosk. gos. obl. un-t. M., 2009.

Dobromyslov, P. (1899) *V zashchitu khristianskogo braka protiv lzheucheniia khlystov* [In defense of Christian marriage against false teaching of xlysty]. Riazan': [b. i.].

Dobrotvorskii, I. (1869) *Liudi Bozhii: russkaia sekta tak nazyvaemykh dukhovnykh khristian* [People of God: Russian sect of so-called spiritual Christians]. Kazan': Universitetskaia tipografiia.

Dubasov, I.I. (1881) "Protivotserkovnye dvizheniia v Tambovskoi gubernii" [Counter-Christian movements in Tambov Province], *Istoricheskii vestnik* 8: 791–792.

Dubasov, I.I. (1891) “Tambovskie religioznye dvizheniia” [Tambov’s religious movements], *Nabliudatel’* 5: 52–54.

D’iachkov, V.L. (2015) “Rossiiskaia demograficheskaia model’ v XX v.: Osobennosti perekhoda ot traditsii k modernu” [Russian demographic model in the XX century: Features of transition from tradition to modernity], *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki. T. 20*, 12 (152): 143–147.

D’iachkov, V.L., Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V., Liamin, S.K. (2010) “Izuchenie demograficheskogo povedeniia sel’skogo naseleniia Tambovskoi gubernii v 1917–1920 gg. metodami fraktal’nogo modelirovaniia” [Study of demographic behavior of rural population of Tambov Province in 1917–1920 by methods of fractal modeling], in *Demograficheskie i ekologicheskie problemy istorii Rossii v 20 veke: sb. nauch. st*, pp. 131–150. M.-Tambov: Izdatel’skii dom TGU im. G.R. Derzhavina.

D’iachkov, V.L., Kanishchev, V.V. (2011) “Prognoz rosta naseleniia Rossii na XX v. i sostoiavshaiasia real’nost’. Vzgliad «snizu» iz tambovskoi krest’ianskoi sredy” [The forecast of growth of the population of Russia in the XX century and the current reality. The view of the “bottom” of the Tambov peasant environment], *Ineternum* 1: 56–74.

Zelenev, M., sviashchennik. (1875) “Selo Verkhotsen’e (Tambovskogo uezda). Ocherk istoricheskogo ego proiskhozhdeniia i tserkovno-prikhodskoi, religiozno-nravstvennoi i obshchestvennoi zhizni” [The village of Verkhotzenie (Tambov district). Essay of its historical origin and church parish, religious, moral and social life], *Tambovskie eparkhial’nye vedomosti* 6.

Ivanovskii, N. (1898) *Sekta khlystov v ee istorii i sovremennom sostoianii* [Khlyst sect in its history and modern state]. Kiev: Tip. I.I. Chokolova.

Kal’nev, M.A. (1911) *Kak opoznavat’ khlystov i skoptsov, otritsaiushchikh svoiu prinadlezhnost’ k sektam, i kakie mery bor’by s nimi?* [How to identify xlysty and skoptsy, denying their belonging to sects, and what measures to combat them?]. Odessa: Tip. E.I. Fesenko.

Klibanov, A.I. (1973) *Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoiashchem* [Religious sectarianism in the past and present]. M.: Nauka.

Klibanov, A.I. (1960) “Sovremennoe sektantstvo v Tambovskoi oblasti: po materialam ekspeditsii Instituta istorii Akademii nauk SSSR v 1959 g.” [Modern Sectarianism in Tambov Region: Based on the Expedition of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1959], *Voprosy istorii religii i ateizma. V 12 vyp. Vyp. VIII*, pp. 59–100. M.: Izd-vo Akademii nauk.

Konovalov, D.G. (1908) *Religioznyi ekstaz v russkom misticheskom sektantstve. Chast’ 1, Vyp. 1. Fizicheskie iavleniia v kartine sektantskogo ekstaza* [Religious ecstasy in Russian mystical sectarianism. Part 1, Vol. 1. Physical phenomena in the picture of sectarian ecstasy]. Sergiev Posad: Tip. Sv<iato>-Tr<oitskoi> Sergievoi Lavry.

Kutepov, K. (1883) *Sekty khlystov i skoptsov* [Sects of xlysty and skoptsy]. Kazan’: Tip. Imp. Un-ta.

Margaritov, S. (1899) *Sekta khlystov* [Sects of xlysty]. Kishinev: Tipo-lit. E. Shliomovicha.

Mel’nikov, P.I. (1909) *Polnoe sobranie sochinenii P.I. Mel’nikova* [Complete works by P.I. Melnikov]. SPb: Izdanie T-va A.F. Marks. T. 6.

Panchenko, A.A. (2002) *Fol’klor i religioznaia kul’tura russkikh misticheskikh sekt: XVIII — nachalo XX v.: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.01.09* [Folklore and Religious Culture of Russian Mystical Sects: XVIII — early XX Century: Abstract of a Dissertation ... doctor of philological sciences: 10.01.09]. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom) RAN. Sankt-Peterburg.

Panchenko, A.A. (2002) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina and Skopstvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. M.: OGI.

Protopopov, G. (1867) "Opyt istoricheskogo obozreniia misticheskikh sekt v Rossii" [Experience of historical review of mystical sects in Russia], *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*. Kiev: Tipografiia Kievo-Pecherskoi Lavry 4: 89–119.

Putintsev, F. (1927) "Voprosnik i metodicheskie ukazaniia po sobiraniiu svedenii o sektakh" [Questionnaire and methodological guidelines for collecting information about sects], *Antireligioznik* 6: 78–83.

Putintsev, F. (1928) *Sektantstvo i antireligioznaia propaganda* [Sectarianism and anti-religious propaganda]. M.: Izd-vo «Bezbozhnik».

Reutskii, N.V. (1872) *Liudi Bozh'i i skoptsy: istoricheskoe issledovanie (iz dostovernykh istochnikov i podlinnykh bumag)* [People of God and Skoptsy: a historical study (from reliable sources and original papers)]. M.: Tip. Gracheva.

Rozhdestvenskii, A., sviashchennik (1882) *Khlystovshchina i skopchestvo v Rossii* [Khlistovshchina and Skoptsy in Russia]. M.: V Universitetskoi tip. (M. Katkov).

Sergazina, K.T. (2015) *"Khozhdenie vkrug": ritual'naia praktika pervykh obshchin khristoverov* ["Walk around": ritual practice of the first communities of Christians]. Moskva: RGGU, 2015.

Tret'iakov, M. (1910) *Sektantstvo Tambovskoi gubernii* [Sectarianism of Tambov Province]. SPb.: Tip. "Kolokol".

Khlystovskoe lzheuchenie o brake i bezbrachii [Khlistov's false teaching about marriage and celibacy] (1900). Samara: Tip. Samarskoi dukhovnoi konsistorii (N.A. ZHdanova), 1900.

Huhn, U. (2018) "Rozhdenie etnografii iz dukha ateizma? Issledovanie «sovremennogo sektantstva» v kontekste antireligioznykh kampanii N.S. Khrushcheva" [The birth of ethnography from the spirit of atheism? Study of "modern sectarianism" in the context of N.S. Khrushchev's antireligious campaigns], *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 100–121.

Chernysh, A.V. (2015) *Misticheskoe sektantstvo v Tsentral'no-Chernozemnom regione Rossii v XIX — nachale XX veka: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02* [Mystical sectarianism in the Central Black Earth Region of Russia in the XIX — beginning of the XX century: Abstract of Diss... Candidate of History: 07.00.02]. Brian. gos. ped. un-t im. I.G. Petrovskogo. Briansk.

Etkind, A. (1998) *Khlyst. Sekty, literatura i revoliutsiia* [Khlist. Sects, Literature and Revolution]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.